

Роман Суслов: играть такую тупо эмоциональную музыку, как рок, мне неинтересно

Коммерсантъ - 2006 - 22 марта - с. 21.

24 марта во МХАТе имени Горького состоится концерт, посвященный 20-летию группы «Вежливый отказ». Лидер группы Роман Суслов профессиональные занятия музыкой давно отодвинул на второй план — сейчас он вырачивает лошадей в деревне под Москвой. В один из редких визитов в столицу РОМАН СУСЛОВ нашел время встретиться с ИРИНОЙ КУЛИК, чтобы поговорить о джазе, колхозах и классической русской литературе.

— Три года назад группа «Вежливый отказ» объявила о том, что она больше не существует. Почему вы все же решили собраться снова?

— Я решил посмотреть, что получится, если через три года снова выйти на сцену.

— А что за эти три года изменилось?

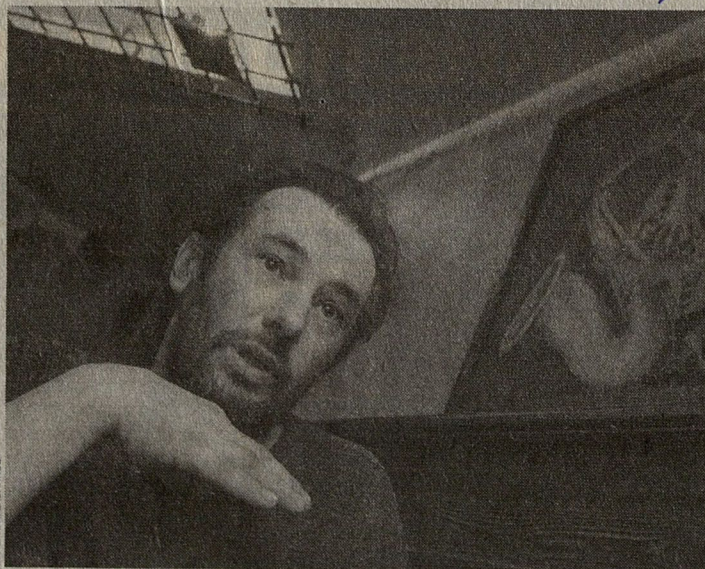
— Я разучился играть. И вот теперь хочу вспомнить, как это делается. И посмотреть, как реагирует на это публика.

— Почему вы тогда распустили группу?

— Было больше невоготу выступать по душным пыльным пьяным кабакам.

— Нынешний концерт предполагает воссоединение группы или все же разовый эксперимент?

— Я думаю, все же разовый.

ВАЛЕРИЙ МЕЛЬНИКОВ

— Вы будете играть только старые вещи? Или вы все же пишете что-то новое?

— Я начал писать что-то новое, но пока еще не уверен, что буду исполнять это.

— И какую музыку вы сейчас пишете?

— Более или менее минималистского толка. Но от песни я все же не отхожу. Голос мне по-прежнему нужен. Но я пока не знаю, кто будет писать мне тексты. Сам я этого, как правило, не делаю.

— У вас же был период песен без слов, точнее, период звукоподражания. Вы тогда решили продолжить традиции Хлебникова?

— Нет. Это возникло спонтанно и отчасти вынужденно — тексты, которые я пытался притянуть к своей музыке, не соответствовали тому, что я хотел видеть и слышать. И мне стало проще заменять слова фонемами.

— Ваша музыка настолько похожа на весь русский рок, что кажется, что и рок-музыкой вы решили заняться из каких-то совершенно особых побуждений. С чего все началось?

— Сначала я занялся просто музыкой. В восемь лет сам пошел и записался в музыкальную школу на классическую гитару.

В том, что в результате получился именно рок, наверное,

отчасти виновата та музыка, что я слушал в детстве, с папой-мамой. Beatles, все такое прочее. Ребенку хотелось быть с гитарой и играть нечто струнное и барабанное. Правда, у меня в доме жила очень красивая женщина, которая все время говорила: «Все равно, Рома, вы придете к джазу».ROME тогда было лет тринадцать. Но в конце концов оно к тому и пришло. Играть такую запрограммированную, жесткую и тупо эмоциональную музыку, как рок, мне стало неинтересно довольно быстро. Эмоции вроде как остались. Но форма поменялась.

— На какую музыку вы все же ориентировались? На русский рок, на западный?

— Я слушал все подряд: King Crimson, Talking Heads, Дэвида Сильвиана, Питера Мерфи, Дэвида Боуи, Jethro Tull, Led Zeprelin — мне особенно нравились их поздние работы, которые не нравятся никому. Но мне не хотелось играть что-то подобное. Меня вообще не заботил контекст. Мне была важна внутреннее ощущение верности того, что я делаю. И эта уверенность у меня не исчезала на протяжении всего творчества «Вежливого отказа».

— У «Вежливого отказа» была репутация не только рок-группы, но и этаких деятелей современного искусства, устраивавших авангардные перформансы...

— Это была дань времени и в начале даже необходимость — мы все варились в одной каше, и нужно было все делать вместе, толпой. Возможно, это даже было проявлением слабости.

— Вместе не так страшно?

— Вот-вот. Выйти на сцену всей толпой. Это устраивало и нас, и зрителей. Но когда музыка стала доминировать, шоу отвалилось само собой.

— Что заставило вас, такого городского по духу музыканта, в 1990 году уехать в деревню?

— Это произошло легким волевым решением. Причем я решил не уехать в деревню, а приобрести лошадей. Но я же не буду их держать в городе. Может быть, у меня и возник такой перерыв в музыке — я же по форме оставляю городское звучание, но внутренне чувствую потребность в чем-то другом, чему пока не могу найти адекватное выражение.

— Ваши фермерские занятия — это история наподобие деревенского отшельничества Петра Мамонова, который, как о нем писали, уехал из города искать истину?

— Мамонов все равно продолжает активно участвовать в московской жизни. Он скорее просто сменил место жительства.

— Вы же настолько погрузились в деревенскую жизнь, что даже стали председателем колхоза?

— В какой-то момент это просто было полезно для моего хозяйства. Сменилась местная власть и стала привлекать людей, способных что-то сделать в этомгибающемся районе. Колхоз — это же страшно унылое образование, экономически и административно, так что правильно было бы его закрывать. Но так, чтобы не пострадали ни люди, ни средства. Что и произошло — средства сохранены, люди работают у нас в хозяйстве, колхоз закрылся. Так что миссию я свою выполнил.

— Музыку вы там продолжаете слушать?

— Благодаря стараниям одного из наших друзей у меня боль-

шая коллекция компактв. Но слушаю я очень выборочно и в основном из уважения к нему. Иногда приятно Пьяццоллу послушать, но он быстро надоедает своим однообразием. Стравинского слушаю в больших количествах. Но найти какой-то душевный отклик в музыке мне уже почти не удается. Зато мы с женой много читаем друг другу вслух. Перечитываем русскую классику. Тургенева, Чехова. Для меня это сейчас значимее, чем музыка, потому что в литературе я не профессионал.

— Вы себя чувствуете таким уездным русским интеллигентом, персонажем Чехова?

— Далеко не всех его произведений.

— Ностальгию по 80–90-м не испытываете?

— Разве что по той бодрости духа, которая тогда присутствовала и у публики, и у музыкантов. Были такие жизнерадостные концерты всего на свете...

— Отказ от чего все же предполагает название вашей группы?

— В конце 80-х, когда у буржуйской прессы был этакий повышенный интерес к музыкальным проявлениям в нашем отечестве, один из участников нашего проекта — Гор Оганесян давал пресс-конференцию перед огромным количеством иностранных журналистов с включенными диктофонами. А он заикается. И когда ему задали тот же вопрос про название, его заклинило на букву «о». И минут через пять он наконец произнес: «От шоу-бизнеса».